

УДК 94+321+327

Мухаммед бен Юсуф: от «золотой клетки» к первой пятилетке (к 65-летию независимого Королевства Марокко)

Н. Н. Дьяков

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Дьяков Н. Н. Мухаммед бен Юсуф: от «золотой клетки» к первой пятилетке (к 65-летию независимого Королевства Марокко) // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 56–67. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.05>

Мухаммед бен Юсуф (1909–1961) — ключевая фигура в политической истории Марокко в середине XX в. Вступив на престол в начале французского колониального правления (1927), Мухаммед бен Юсуф прошел в своей политической биографии сложный путь от марионеточного султана, инструмента французского протектората, до признанного лидера освободительного движения — символа независимости, завоеванной его народом в 1956 г.

Ключевые слова: Королевство Марокко, новейшая история, протекторат Франции, колониальная политика, национальная независимость, государственный суверенитет.

В отличие от подавляющего большинства арабских стран, Марокко вступило в XX в. как суверенное государство мусульманского Запада — Магриба — во главе с утвердившейся еще в середине XVII в. династией Алауитских шерифов, прямых потомков Пророка Мухаммеда.

Марокканские кризисы начала XX в., во многом определившие так называемую восточную политику держав накануне Первой мировой войны, привели к установлению в 1912 г. протектората Франции и Испании в этой «шерифской империи». Оккупация, экономическая эксплуатация и политическое подчинение Марокко проходили на фоне широкого сопротивления местного арабо-берберского населения в первые десятилетия XX в.

Пиком антиколониальных выступлений того времени стала кризисная война под руководством Мухаммеда ибн Абд Аль-

Крима в горной области Риф — в зоне испанского протектората на севере страны — и сопровождавшая ее героическая эпопея вполне демократической Рифской Республики (1921–1926). Лишь объединив свои усилия и доведя численность союзных войск до беспрецедентных 400 тыс. человек, Франция и Испания смогли сломить сопротивление марокканских горцев, отряды которых насчитывали тогда максимум 70 тыс. человек [1, с. 185].

Потеряв в ходе боевых и карательных действий более 3 тыс. убитыми и свыше 10 тыс. ранеными [2, с. 194], французские власти в Марокко столкнулись с новыми проблемами. Рифская война, ставшая предметом пристального изучения военными экспертами и политиками в Испании, Франции, Великобритании и даже в Советской России (см., например, [3]), в какой-то момент поставила под угрозу само существование режима протектората.

Для Парижа это было особенно печально, поскольку вышедшая из Первой мировой войны державой-победительницей, одной из решающих сил Антанты, Франция готовилась широко отметить столетие своей «африканской империи», рождение которой началось в 1830 г. с завоевания Алжира, срединных земель Магриба, раскинувшихся у восточных границ Марокко.

Спустя год после завершения войны в Рифе при сохранении очагов антиколониального сопротивления в других частях Марокко на многовековой престол Алауитов 18 ноября 1927 г. взошел 21-й представитель династии Мулай Мухаммед бен Юсуф¹. Ему суждено было в течение трех десятилетий вести державный корабль с миллионами подданных на борту к государственному суверенитету и независимости по бурным волнам политической истории Магриба в XX в. Вступление на Алауитский престол 17-летнего Мухаммеда бен Юсуфа открыло новую стадию политического развития Марокко, включавшую два 15-летних периода — до и после Второй мировой войны, точнее, до и после наступления англо-американских сил в Магрибе на пороге 1943 г.

Первый период (1927–1942 гг.) — годы «султана в золотой клетке», когда сиди (*араб. марок.* мой господин, государь) Мухаммед служил инструментом в колониальных планах французов. Яркий пример — принятие берберского дахира (1930), указа, призванного расколоть туземное общество, отделить берберов от арабо-мусуль-

---

¹ Султан в 1927–1957 гг., король в 1957–1961 гг.

манской массы, чтобы шире интегрировать их в колониальный сектор. Тем не менее накануне Второй мировой войны роль султана как фактора национального единения постепенно возрастает.

Второй период. Массированный десант англо-американских союзников в Магрибе в ноябре 1942 г. оказал прямое влияние на судьбы «шерифской империи» под 30-летним французским протекторатом. Исторический саммит антигитлеровской коалиции в Касабланке открыл второй этап войны на севере Африки. Именно в этом крупнейшем портовом городе Марокко в январе 1943 г. была сформулирована и утверждена известная доктрина «безоговорочной капитуляции» держав фашистской «оси». Здесь же, в Касабланке, на встрече на высшем уровне союзников была признана лидирующая роль 33-летнего султана Мухаммеда как символа освободительных сил Марокко. По инициативе президента Ф. Рузвельта, к большому неудовольствию французской стороны, марокканский султан впервые был принят лидерами антигитлеровской коалиции как суверенный законный монарх. Эту роль Мухаммед бен Юсуф не просто сохранил, но и усилил в послевоенный период, дав американцам разыграть пресловутую «магрибскую карту» для укрепления их военно-политических позиций при одновременном ослаблении французского колониализма в Северной Африке.

Начало монаршей биографии Мухаммеда бен Юсуфа складывалось не лучшим образом. Как и покойный отец Мулай Юсуф (годы правления — 1912–1927), юный султан, по мнению Парижа, должен был повторить судьбу заурядного «туземного вождя», марионеточного владыки, хотя и наделенного почетным правом скреплять своей высочайшей подписью и печатью подававшиеся ему акты и указы, подготовленные чиновниками протектората. Застенчивый и болезненный юноша призван был стать покладистым «ручным султаном», уверенно поддерживаемым французской стороной, столь же решительно отодвинувшей от престола его старших братьев. Как констатируют западные исследователи, в колониальной истории трудно найти другую такую ошибку, столь опрометчиво допущенную метрополией [2; 4; etc]. Уже первый этап сложной политической судьбы Мулай Мухаммеда бен Юсуфа показал постепенную эволюцию от унижительного статуса «султана в золотой клетке» к исторической роли лидера национально-патриотических сил «шерифской империи» — *l'Empire Cherifienne*.

Дворцовая рутина, юношеские забавы и альковные утехы сопровождались в первые годы правления султана регулярным появлением составленных аппаратом французского генерального резидента указов-*дахиров*, призванных обеспечить реализацию «цивилизаторской миссии» Франции — *la mission civilisatrice*. Самый печальный, если не сказать позорный, памятник этапа протектората — пресловутый «берберский дахир», подписанный 16 мая 1930 г. двадцатилетним султаном.

После установления протектората (1912) десятилетия колониального развития Марокко национальные историки и большинство их французских коллег называют мрачным периодом унижения и угнетения в новейшей истории «пленного королевства» — *un royaume captive* [4, p. 11].

В развитие «туземной политики», истоки которой были прямо связаны с многолетними колониальными экспериментами в соседнем Алжире, французские власти предприняли очередную попытку расколоть мусульманское общество Марокко на арабов («ленивых и коварных» горожан и селян, проживавших преимущественно на равнинах) и горцев-берберов (гордых и стойких воинов, потомков древней средиземноморской расы, открытых к сотрудничеству с «народом-цивилизатором», а в перспективе — к полной ассимиляции с ним). Раскол «туземного» общества по расовому признаку, открытая сегрегация и дискриминация арабского населения возвращали колониальный опыт к эпохе «гуманистических ценностей», принесенных «нацией-просветителем», к гипотетическому идеальному «доброму дикарю» Ж.-Ж. Руссо, готовому с благодарностью принять все блага «просвещенного мира» [4, p. 20].

Молодой султан Мухаммед бен Юсуф продолжал молча наблюдать перемены в жизни страны, не вполне сознавая всю опасность шагов, предпринятых французскими «цивилизаторами».

Как в свое время и в соседнем Алжире, в Марокко в обилии стали появляться «франко-туземные» (в первую очередь «франко-берберские») школы. В страну были направлены 600 католических миссионеров, призванных развернуть христианизацию и «эмансипацию» берберских племен. Реакция на такую политику местных мусульман — как арабов, так и берберов — была вполне предсказуемой. Мусульмане, независимо от их этнической принадлежности, возносили молитвы, призывая Всевышнего не нарушать единство нации — уммы.

Берберский дахир 1930 г., запятнавший ранний этап правления Мулай Мухаммеда, одновременно ознаменовал начало активизации национально-патриотических сил, приступивших к формированию первых политических партий Марокко. На фоне угасания последних очагов вооруженного сопротивления в марокканской глубинке и в племенах к августу 1933 г. в стране сформировалась первая партия — Марокканский блок национального действия (МБНД), начавший свою деятельность с кампании за празднование дня трона (18 ноября). Это требование должно было одновременно вернуть законного монарха на арену активной политической жизни.

Бурная реакция марокканцев на дискриминационный берберский дахир рассматривается в национальной историографии политической истории Марокко XX в. как решающее событие, открывшее монарху глаза на задачи и перспективы освободительной борьбы. В обращении к признанному лидеру движения за независимость, основателю партии «Истикляль» («Независимость») Аллялю аль-Фаси султан Мухаммед бен Юсуф решительно заявил: «Я никогда не отступлюсь ни от каких прав нашей отчизны...» [4, р. 21].

В декабре 1934 г. Комитет национального действия (КНД) представил властям первую петицию с требованием строгого выполнения условий заключенного в марте 1912 г. договора о протекторате. В октябре 1936 г. в Рабате состоялся I конгресс КНД, принявший программу действий по мобилизации соотечественников на борьбу за свои права. Роспуск в июне 1937 г. правительства Народного фронта во главе с Леоном Блюмом поставил под вопрос проведение реформ в колониях, в том числе в странах французского Магриба. Надвигавшаяся мировая война внесла жесткие коррективы в политические будни колониального Марокко.

Капитуляция Франции в июне 1940 г. и подчинение колониальной администрации вишистскому режиму маршала Ф. Петэна открыли новую страницу в биографии Мухаммеда бен Юсуфа, сделавшего выбор в пользу политических реформ и поддержки патриотических сил. Одним из первых демаршей султана стал его решительный отказ принять навязываемые пронацистской администрацией дискриминационные меры в отношении многотысячной еврейской общины Марокко. «Не надо забывать, что в Марокко евреи в течение длительного времени находились под личным покровительством суверена...» — писал позже король Хасан II — наследник Алауитского престола (1961–1999). После высадки в ноябре 1942 г. амери-

канского десанта на атлантическом побережье Мухаммед бен Юсуф решительно воспротивился попытке французского генерал-губернатора Ногеза перевести двор (мешуар) и все султанское правительство (махзен) из Рабата вглубь страны [5, р. 286].

Известная операция «Торч» («Факел») и широкое наступление англо-американских союзников на севере Африки на рубеже 1942–1943 гг., успехи Красной Армии на Волге открыли завершающий этап мировой войны и одновременно — новые перспективы антиколониального движения народов мусульманского Магриба. В январе 1943 г. в Касабланке собралась историческая конференция глав антигитлеровской коалиции с участием президента США Ф. Рузвельта, британского премьера У. Черчилля и лидера «Свободной Франции» генерала Ш. де Голля. Втайне от французской стороны марокканский султан встретился с президентом Ф. Рузвельтом, обсудив судьбу страны и, в частности, роль США в послевоенном развитии региона.

Резко критикуя франко-британский колониальный опыт на севере Африки, Ф. Рузвельт яркими красками рисовал светлое будущее народов Магриба под благожелательным покровительством и надежной военной защитой США. Молодые марокканцы могли рассчитывать на получение качественного образования в американских колледжах и университетах для последующего возвращения на родину и совместного с американцами эффективного освоения богатейших природных ресурсов их страны. На приеме в касабланкской гостинице «Анфа» Ф. Рузвельт торжественно провозгласил «конец эры колониальной эксплуатации» [1, с. 250]. По понятным причинам это заявление произвело неизгладимое впечатление не только на марокканского монарха, но и на его «друзей и покровителей» из Франции. В ходе личной беседы с Мулай Мухаммедом, состоявшейся 22 января 1943 г., Ф. Рузвельт вновь затронул вопрос о перспективах освобождения — «эмансипации» Марокко при поддержке США, которые по окончании войны могли бы внести существенный вклад в экономическое развитие североафриканской страны. Поскольку у британского премьера У. Черчилля такая перспектива вряд ли вызвала бы большой энтузиазм (не говоря уже о генерале Ш. де Голле), в обсуждении темы далее предстояло участвовать главным образом американским дипломатам и экспертам.

США уже тогда приступили к строительству планов создания зоны присутствия и влияния на севере Африки, что было воспри-

нято султанским двором и набравшими вес националистическими кругами Марокко как весьма позитивный, хотя и несколько неожиданный поворот. «Новое будущее открывается для моей страны!» — заявил Мулай Мухаммед по завершении переговоров с американским президентом [6, р. 513].

По сути, именно Касабланкская встреча в верхах открыла путь для активных выступлений националистов с требованием независимости Марокко при сохранении территориальной целостности страны во главе с султаном сиди Мухаммедом бен Юсуфом. Лозунг независимости (*араб.* истикляль) должен был подчеркнуть лояльность формировавшегося патриотического движения правящему монарху, которому отводилась решающая роль в проведении переговоров с Францией с целью формирования нового демократического строя по образцу недавно освободившихся от благ колониализма стран арабского Востока (Египта, Сирии, Иордании и др.).

Столкнувшись с жестким противодействием французских властей, объявивших, что требование независимости идет вразрез с положениями договора о протекторате 1912 г., султан вынужден был отступить. Получив наставления от французского комиссара по иностранным делам, Мулай Мухаммед 28 января 1943 г. согласился вывести из состава правительства тех министров, кто рьяно поддерживал сторонников независимости — группу «Истикляль». В присутствии французского генерального резидента М. Пюо султан объявил министрам, что само слово «независимость» должно «покинуть их сердца и уста...» [6, р. 514].

В первое послевоенное десятилетие лозунг независимости — «Истикляль!» — должен был преодолеть немало препятствий, прежде чем «шерифская империя» смогла вернуть себе государственный суверенитет. Главные цели движения за независимость были вновь сформулированы султаном Мухаммедом бен Юсуфом в танжерской речи 10 апреля 1947 г., получившей широкую известность как Хартия марокканского национализма. Обращаясь к подданным, возмущенным убийством французскими военными служащими в Касабланке десятков соотечественников — участников уличных манифестаций, султан впервые публично заявил о праве марокканцев на независимость, а также на вступление страны в созданную в 1945 г. Лигу арабских государств (ЛАГ). «Сегодня, когда все народы требуют своих прав, соответствующих современности, будет справедливым, если марокканский народ добьется своих законных прав и ре-

ализует свои законные чаяния...» — торжественно заявил султан в исторической речи в Танжере [7, с. 128; 6, р. 535].

Самым тяжелым политическим и нравственным испытанием для Мулай Мухаммеда и самого трона Алауитов стал спровоцированный французами кризис власти, а точнее межвластия, в 1953–1955 гг., сопровождавшийся драматическим насильственным низложением законного султана.

20 августа 1953 г. по приказу генерального резидента Франции Гийома султанский дворец был окружен бронетехникой, чернокожие гвардейцы-абидаи разоружены. Вооруженные автоматами жандармы ворвались в султанские покои. Монарх и двое его сыновей были посажены в военный самолет, взявший курс на восток. Вскоре французский префект на Корсике в недоумении наблюдал ночную посадку на аэродроме Аяччо борта DC3 с марокканским султаном и его отпрысками на борту, бледными от холода, прижавшимися к металлическим скамьям, явно предназначенным для доблестных французских десантников — *les paras*.

После Корсики султану Мухаммеду бен Юсуфу и его наследникам суждено было более двух лет провести в изгнании на Мадагаскаре, на столь далеком от их родины термальном курорте Антсирабе.

Лишившись законного монарха и получив взамен на престоле Алауитов его престарелого беспомощного дядю Мухаммеда бен Арафу, марокканцы развернули массовое движение за возвращение Мухаммеда бен Юсуфа, используя все средства активного и пассивного сопротивления. Мечети, где в пятничной хутбе упоминалось имя нового султана бен Арафы, пустовали. Не забыв славных подвигов предков в годы Рифской войны (1920–1926), верноподданные Мухаммеда бен Юсуфа вновь взяли за оружие, атакуя французские гарнизоны, полицейские и пограничные посты.

В условиях эскалации антиправительственных выступлений в Марокко, роста числа жертв карательных операций, варварских акций Иностранного легиона² правительство Эдгара Фора к осени 1955 г., столкнувшись с партизанской войной в трех департаментах Алжира, принимает непростое для Парижа решение начать переговоры об условиях отмены протектората в Марокко. Главной задачей было удержать Алжир — «сердце колониального Магриба» — с его

---

² Только в августе 1955 г. в горном районе Уэд-Зем легионеры убили около тысячи участников массовых протестов.

почти миллионным французским населением [4, р. 26], оказавшимся под угрозой полного уничтожения или изгнания в результате набравшего силу освободительного движения 1954–1962 гг., которое возглавил алжирский Фронт национального освобождения.

Мухаммед бен Юсуф вернулся в Рабат, встретив на пути в резиденцию тысячи взволнованных подданных, скандировавших: «Да здравствует король! Да здравствует независимость!»

Триумфальное возвращение султана в столицу и историческая декларация независимости, произнесенная им в Рабате в день тронного праздника перед многотысячной толпой на площади у древнего минарета Альмохадов, рядом с которым стоит сегодня белокаменный мавзолей самого Мухаммеда бен Юсуфа, стали символами возрождения национального суверенитета. С этого момента французские власти окончательно перешли к переговорам об отмене протектората, завершившимся провозглашением независимости Марокко 2 марта 1956 г.

С принятием в августе 1957 г. королевского титула сиди Мухаммед V открыл новую страницу в истории суверенной «арабской мусульманской державы». Программы реформ независимого Марокко нашли воплощение в принятых королевским правительством планах социально-экономического развития.

Первый пятилетний план развития (1960–1964 гг.), утвержденный при Мулай Мухаммеде, не принес ожидаемых результатов, выявив слабость местного частного сектора, а также неспособность правительства реализовать намеченные проекты. Многие отрасли производства оставались без финансирования. В 1964 г. ВВП страны так и не достиг уровня 1954 г.³ В результате был сделан выбор в пользу либерализации экономики, вследствие чего госсектор определил основную функцию — всесторонней поддержки частного предпринимательства. Это, в свою очередь, способствовало усилению позиций иностранного капитала в одних сферах экономики и ослаблению их в других в пользу национального частного капитала⁴.

Планирование экономического развития было признано королем Хасаном II, особенно на начальном этапе его правления (годы

---

³ Королевство Марокко: Справочник. М.: Наука, 1991. 271 с. С. 125.

⁴ Фаязова С. С. Общественно-политическое развитие стран Северной Африки в постколониальный период: республиканский Египет и Королевство Марокко во 2-й половине XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПбГУ, 2011. С. 37.

правления — 1961–1999), эффективным инструментом подъема национальной экономики. В стране развернулась «марокканизация» иностранных банков и других предприятий.

С 1912 по 1956 г. страна была под властью французского протектората, все эти годы в Марокко практически не прекращалась борьба против французских оккупантов. 2 марта 1956 г. султаном была объявлена независимость Марокко, и в 1957 г. Мухаммед бен Юсуф провозгласил себя королем, начав модернизацию монархии. Он изменил порядок престолонаследия, официально назначив принца Мулая Хасана своим наследником. Конституция 1962 г. закрепила принцип наследственности королевской власти, а также многопартийную политическую систему.

Безвременная кончина короля Мухаммеда V 26 февраля 1961 г. подвела черту под решающим этапом на пути Марокко к долгожданному суверенитету. По свидетельству современников, скорбь марокканцев в дни национального траура была столь же всеобъемлющей, как и тот энтузиазм, с которым в последние годы они боролись за независимость страны под руководством «султана-освободителя» сиди Мухаммеда [4, р. 129].

«Многогранность политических заслуг» покойного монарха при его неоспоримом авторитете духовного лидера нации, «повелителя правоверных» и носителя божественной благодати (*араб.* барака) единодушно признают марокканские, западные и отечественные авторы. Между тем завоевание независимости и курс Мухаммеда бен Юсуфа на демократические преобразования в свое время вызвали напряжение между стремлениями монарха и желаниями части политической элиты под флагом либерализации подчинить королевский дворец своей воле [8, с. 252].

Столь характерное для вставших на путь деколонизации народов Азии и Африки обострение внутреннего кризиса и противоборства элит, при одновременном воздействии внешних факторов, не раз оборачивалось известным в мировой политике феноменом «оптимистической трагедии».

Литература

1. Луцкая Н. С. Очерки новейшей истории Марокко. М.: Наука, 1973. 478 с.
2. Maxwell G. Lords of the Atlas. London: Pan Books, 1970. 348 p.
3. Фрунзе М. В. Европейские цивилизаторы и Марокко. Избр. соч. М., 1940. 214 с.

4. *Perrault G.* Notre ami le roi. Paris: Gallimard, 1990. 384 p.
5. *Agnouche A.* Histoire politique du Maroc: pouvoir, legimites, Institutions. Casablanca: Afrique Orient, 1987. 367 p.
6. *Ganiage J.* Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 a nos jours. Paris: Fayard, 1994. 822 p.
7. *Сергеев М. С.* История Марокко. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 355 с.
8. *Орлов В. В., Видясова М. Ф.* Политический ислам в странах Северной Африки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 512 с.

Контактная информация:

Дьяков Николай Николаевич — д-р ист. наук, проф.; n.n.dyakov@spbu.ru

Muhammed ben Yusef: From a “Golden Cell” to the First 5-year Plan (Commemorating the 65th Anniversary of Independence of the Kingdom of Morocco)

Nikolay N. Dyakov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Dyakov N.N. Muhammed ben Yusef: From a “Golden Cell” to the First 5-year Plan (Commemorating the 65th Anniversary of Independence of the Kingdom of Morocco). *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 56–67. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.05> (In Russian)

Muhammed b. Yusuf (1909–1961) — a key person in political history of Morocco in the middle of the 20th C. With his intronization in the beginning of the French colonial rule Muhammed b. Yusuf started in his biography a long and winding road from a puppet sultanate as an instrument of the French Protectorate, to the leadership in the liberation movement, becoming a symbol of nationalism and a father-founder of the independent Moroccan statehood restored in 1956.

Keywords: Kingdom of Morocco, Modern history, French protectorate, Colonial policy, Nationalism, Liberation movement, Independence.

References

1. *Lutskaya N. S.* *Essays of the Contemporary History of Morocco*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 478 p. (In Russian)
2. *Maxwell G.* *Lords of the Atlas*. London, Pan Books, 1970. 348 p.
3. *Frunze M. V.* *European civilizing and Morocco*. Moscow, 1940. 214 p. (In Russian)

4. Perrault G. *Notre ami le roi*. Paris, Gallimard, 1990. 384 p.
5. Agnouche A. *Histoire politique du Maroc. Pouvoir, Legimites, Institutions*. Casablanca, Afrique Orient, 1987. 367 p.
6. Ganiage J. *Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 a nos jours*. Paris, Fayard, 1994. 822 p.
7. Sergeev M. S. *History of Morocco. 20 Century*. Moscow, Nauka Publ., 2001. 355 p. (In Russian)
8. Orlov V. V., Vidyasova M. F. *Political Islam in Northen Africa*. Moscow, Moscow State University Press, 2008. 512 p. (In Russian)

Author's information:

Nikolay N. Dyakov — Dr. Sci. in History, Professor; n.n.dyakov@spbu.ru